

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ БЛАГОПОЛУЧИЕ

О.В. Шкуран

Аннотация. *Антропоцентрический аспект в исследовании языка передал импульс междисциплинарным научным направлениям, а языковая вседозволенность спровоцировала десакрализацию многих культурологических понятий, таких как, например, благополучие. Данная языковая единица стала дихотомичным результатом деятельности человеческого осмысления, содействующая профанизации сакрально-языкового познания, требующего исследования. Предметом изучения стала языковая единица благополучие, отображающая сложную и противоречивую природу значения и внутренней формы этого слова с сакральной и профанно-десакральной семантикой. Цель данной статьи состоит в том, чтобы в процессе диахронического среза лексикографических источников разных эпох рассмотреть дефиниции лексемы благополучие, сравнить десакрально-профанализованные современные значения и внутреннюю наполненность сакрального понимания данной единицы. Двухвекторный процесс иллюстрирует светское и христианское понимание слова, что свидетельствует о синтезе ментальной информации различных выбранных эпох: углубление в православие, петровскую эпоху европеизации, массовый атеизм и период карнавализации современного языка. Такая языковая единица познания переходит от личности на концептосферу общества, в результате чего она представляет фиксацию коллективного опыта, который становится приобретением целого народа.*

Ключевые слова: реконструкция, картина мира, сакрализация, профанизация, десакрализация, смысловое поле, дихотомия.

Для цитирования: Шкуран О.В. Лингвокультурологическая реконструкция смыслового поля языковой единицы благополучие // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Часть 2. С. 389–399. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-389-399

389

LINGUOCULTUROLOGICAL RECONSTRUCTION OF THE SENSE FIELD OF THE LANGUAGE UNIT WELL-BEING

O.V. Shkuran

Abstract. *The anthropocentric aspect in the study of language has transferred the impetus to interdisciplinary scientific directions, and linguistic permissiveness has provoked desacralization of many cultural notions, such as, for example, well-being. This linguistic unit has become a dichotomous result of the activity of human comprehension, contributing to the profanization of sacral-linguistic cognition that*

© Шкуран О.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

requires research. The subject of the study has become a linguistic unit of well-being, reflecting the complex and contradictory nature of the meaning and internal form of this word with sacred and profane-desacral semantics. The article aims to consider the definitions of the lexeme well-being in the process of diachronic cut of lexicographic sources of different epochs, to compare desacral and profane modern meanings and the inner filling of the sacral understanding of this unit. Two-vector process illustrates secular and Christian understanding of the word, which indicates the synthesis of mental information of different chosen eras: deepening in Orthodoxy, Petrine epoch of Europeanization, mass atheism and the period of carnivalization of modern language. Such a linguistic unit of cognition passes from the individual to the conceptosphere of society, as a result of which it represents the fixation of collective experience, which becomes the acquisition of an entire people.

Keywords: reconstruction, picture of the word, sacralization, profanization, desacralization, semantic field, dichotomy.

Cite as: Shkuran O.V. Linguoculturological Reconstruction the Sense Field of the Language Unit Well-Being. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 3, part 2, pp. 389–399. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-389-399

390

Продолжительное время человек стремится сформировать универсальный смысл о мире и своей миссии в нем, найти отклик на волнующие темы в течение всей жизни. Любой этнос, языковая личность со временем пересматривают взгляды наций и целых народов, а мировоззрение становится первоосновой человеческого бытия. Чтобы жить в солидарности с миром, человеку необходимо приложить достаточно усилий для упорядочивания этого мира в собственном сознании. Современные исследователи разнообразных гуманитарных дисциплин — языковедения, философии, психологии, культурологии, теологии и др. — на материале всевозможных языков прорабатывают проблему устройства личностного образа неподвинутого существования мира, что зависит от сферы совершенного, опредмечивается в семиотических моделях, не реализуясь в них. Это понятие становится устойчивым для каждой культуры, потому что отражает своеобразие человека и его окружающий мир, необходимые условия наличия в нем, взаимоотношения, а также целый багаж системы взглядов на объективную реальность, мнения и ценности.

Язык является монолитным устройством, он постоянно подыскивает толкования и образует заранее заложенное воспоминание не самостоятельных слов, а целых смысловых комплексов языковых единиц. Еще В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, с. 68]. В когнитивной форме языка обнаруживается индивидуальная природа этноса, что и содействует распознаванию внутренней формы языков мира. Человек в разные культурно-цивилизационные периоды динамичен: он выступает репрезентантом картины мира, объектом столкновения добрых и злых помыслов, которые пассивно накапливаются в его когнитивной базе.

Современная парадигма языковедения способствовала новому подходу в изучении языка в широком его понимании. Помимо кодифицированной информации, исследователей стали беспокоить внешние реакции, а именно культурные, политические, психологические, социальные, этнические факторы. В основе открытых

процессов были определены, по мнению В.Г. Костомарова, преобразования в «языковом вкусе и чутье языка» [2] русских людей. Поскольку природа человека двойственна, постольку она сама поддается культурной оппозиции сакральный/десакральный, и эта черта постоянно меняется и колеблется: смысловая наполненность от архаического сакрального к профанно-десакральному пониманию приводит к духовному противоречию. План выражений ценностных ориентаций меняется в зависимости от интерференции культурных полей мифологической, религиозной, научной картин мира, что отражается в практике использования языков и специфично окрашивает семантику слов [3].

Культурно-историческая концепция Г.Г. Шпета представила личность как «аналогон слова» с чувственными, онтическими, логическими и поэтическими нормами [4]. По мнению Т.Е. Владимировой, языковое сознание благодаря активным языковым процессам наполнилось религиозно-мифологической, художественно-героической, научно-технической, культурно-исторической, философско-культурной речевой практикой и преобразовало «социальный лик человека» [5, с. 127]. В итоге языковая личность получила сакральные установки и социальные требования на подобающий образ социальных действий, а с принятием православия унаследовала потребность на духовное самосовершенствование.

В российской лингвистике с начала нынешнего столетия проблемы рассмотрения категориальной модальности языковых единиц с сакральной семантикой исследуют Т.Б. Захарян (2006), Т.Н. Бурмистрова (2007), Н.И. Коновалова (2007), К.Д. Наумов (2010), Т.В. Кузьмина (2011), Н.А. Воробьева (2012), О.А. Дмитриева, И.Г. Чеботарев (2015), Т.Б. Радбиль (2016),

О.В. Шкуран (2020) и др., которые объясняют термин «сакральность» в широком его понимании. Ученые смогли описать исследуемые единицы, однако целостно, без понимания когнитивно-лингвокультурологической общности структурированной картины мира, видоизменяясь во времени и социальном порядке, методология такого исследования не предусмотрена.

При написании статьи применяются функционально-семантический, описательный методы, синхронный дефиниционный и сопоставительный, контекстуальный анализ.

Данная проблема связана и с духовным положением в современном обществе конца XX – начала XXI века. Методология выделения языковых событий и духовных замыслов заключается в том, чтобы как можно более полно раскрыть значение языковой единицы *благополучие* в процессе формирования ценностей в различные исторические эпохи.

С приходом христианства языческая идея сакрального была нацелена с материального и физического на идеальное, духовное; с конкретного и зримого на абстрактное и незримое. Понятие *сакральный* приобрело понимание святости: сопричастности человека с Богом и преобразования духовного и телесного под воздействием Божьей благодати.

Языковая единица с сакральной семантикой *благополучие* является важным сегментом русской языковой картины как части ценностной картины мира, ее моделирование и выявление основных механизмов и закономерностей языковой сакрализации/профанизации/десакрализации определено главной целью статьи.

Две аксиологические и этические категории *благо* (в дохристианское время употреблялась синонимичная лексема *добро*) и *зло* выражаются в противопоставлении

нужных и вредоносных для коллектива или человека явлениях: *доли — недоли, счастья — несчастья, своего — чужого, правильного — неправильного* и др. [3, с. 100–101].

Дохристианские истоки дуалистических представлений о добре и зле, добрых и злых божествах, противопоставлении Белобога и Чернобога не до конца определены, потому что языческие божества и низшие духи были амбивалентны, напр.: южнослав. *Бог* — это «первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством». Или укр. *Богинка* имела значение «злой дух, вредящий роженице и младенцу», домовые, (наименования *доброжил, доброхот*) и дворовые духи заботились о хозяйстве и др. Двойственные свойства присваивались чистым (святым) и нечистым животным, напр., *жабе, змее, лошади* и др. Типичны народные образы о добре как о части, свойственной домовитости (очередной покупатель животного крадет соломинку из-под его ног, чтобы хозяин не смог оставить у себя добро). Оно приносило хозяевам только хорошее, поэтому положительная коннотация слова подтверждала Божье благословение на долю (добро), напр.: ср. рус. (др.-рус.) *добро* — «имущество» и праслав. *dobrъ(jb)*, «добрый, хороший, прекрасный», болг. *добър*, «хороший, богатый, состоятельный», *добригости* (серб.), в колядках данная лексема символизировала добрую весть *добар глас* о приплоде скота и т. п. [6, с. 151].

Оппозиция добра и зла свойственна духовной среде. Двойственные по содержанию легенды о сотворении мира подчеркивали древнеиранское или средневековое антиклерикальное влияние на восточных славян. Представлениям о предопределенности добрых и злых явлений соответствовали гадания о грядущей судьбе: ср. средневековую гадательную

книгу «Рожденик», в которой указывались добрые и злые дни и часы, влияющие на судьбу младенцев, добрые и злые места — на удачу или злой рок [12, с. 183–190].

С установлением традиционной единой верной конфессии на Руси в древнерусский язык стали проникать церковнославянизмы: *алтарь, благо, Господь, знамение, крест, сущность, таинство, тайна, рождество, церковь* и др.; словообразовательные интерфиксы и конструкции, многокорневые образования, восходящие к греческому языку. Таковы важнейшие термины традиционной русской этики, например, *благообразие* (греч. *eu-sche-mosyne*), *благолепие* (греч. *eu-rgereia*), *целомудрие* (греч. *so-phrosyne*) и пр. Евангелие (греч. Благая Весть) изменило образ мыслей русского человека и дало импульс для духовного роста и внутреннего умиротворения от евангельской вести, т. е. благополучия. «Красота целой грозди слов, сцепляющихся в единое слово, — очень греческая вещь; и она-то была принята к сердцу русским народом, и притом на века» [7, с. 64–72].

Русский, как и другие славянские языки, обогатился сложными словами с сакральной семантикой, содержащими словообразовательную морфему благо-: *благоверный, благовест, благовещение, благовидный, благовоспитанность, благополучие, благодарность, благоглупость, благодарение, благодатный* и пр. [8, с. 84].

Для понимания христианской наполненности семантики слова *благополучие* обращаемся к опыту крупнейшего богослова Русской Церкви XVII века Тихона Задонского, описывающего состояние человеческого благополучия: *Человек из двух частей состоит, из души и тела, то и благополучие двоякое бывает, душевное и телесное. Душевное благополучие есть*

совесть спокойная, мирная, радующаяся о Боже Спасе своем, на земли небесное веселие чувствующая, в темнице, в узах, в нищете, в бесчестии, в ранах, в изгнании, в болезни и в слезах веселящаяся. Телесное благополучие есть тела здравие, честь, богатство, слава, насыщение, увеселение и проч. [9, с. 11]. В период петровской европеизации русского народа такое толкование напоминало о важности духовного преображения для вечной жизни.

В русских поговорках показаны диаметрально противоположные стремления человеческой души и биологического тела, напр.: *Тело здорово, да душа нездорова; Тело в богатстве, да душа в нищете; Тело в чести, да душа в бесчестии; Тело веселится, да душа сетует; Тело радуется, да душа унывает; Тело процветает, да душа истлевает; Тело банкетует, да душа гладствует (голодает); Тело благоухает, да душа зло смрадную вонь издает* и др. [10, с. 82]. Возможно, вера воспринималась как этнографический признак русского народа, поэтому в коротких народных изречениях авторы отобразили глубокие нравственные аксиомы православного человека. Апостольские чтения на обязательной воскресной Литургии для православного человека устанавливали духовную грань наивысшего благополучия — постоянного внутреннего совершенства: *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* [11, с. 16].

Лексикографические источники иллюстрируют вхождение языковой единицы *благо* в словарный состав языка. В середине XVI века в словаре «Лексіконъ славенорѡсскій и именъ Тлъкованіе» Памва Берында определяет дефиницию *благо* — «добро». В словарной статье употреблены многокорневые образования: *благоволение, благоверенно, благоверие, благоговение, благодарение,*

благодатель, благоздравие и др. [12, с. 74]. Расширение количества родственных слов-церковнославянизмов демонстрирует «преодоление некоей локальной ограниченности автохтонных традиций восточнославянского язычества именно с принятием христианства», и русская культура через контакт с Византией обрела возможность универсальных измерений [13, с. 5].

Два столетия спустя составители «Словаря древнего славянского языка по Остромирову Евангелию» Ф. Миклошич, А.Х. Востоков, Я.И. Березников, И.С. Кочетов увеличивают набор родственных слов, в которых часть *благо-* также означает «добро или доброе дело»: *благодобренный* — «проворный»; *благобоязненный* — «благочестивый»; *благобытие* — «благодарности»; *благовидность* — «приличие, приятная наружность»; *благовольный* — «добровольный»; *благоволение* — «согласие»; *благовоние* — «приятный запах»; *благоверенно* — «в нужное время»; *благовозрастание* — «совершеннолетие»; *благоверный* — «православный»; *благоглаголаніе* — «красноречие»; *благодатель* — «благодетель»; *благодержать* — «решиться на благие подвиги»; *благодушествовати* — «ободряться духом»; *благожизнь* — «безбедный»; *благопитание* — «хорошее питание»; *благополучие* — «благосостояние, сопровождаемое успехом, счастьем» [14, с. 25–30]. Как подчеркивает О.В. Ломакина, «символьное наполнение предмета позволяет говорить об обретении словом новых смыслов, порой скрытых, при этом анализируемая лексема характеризуется лабильностью и может выступать когнитивной базой» [15, с. 205].

Как видим, *благо* является языковой единицей или ее частью, входящей в состав слова для обозначения характеристики предметов, явлений или действий,

существующих или происходящих ради добра, побуждающих к проявлению положительной сущности кого бы или чего бы то ни было. *Благо* — это все то, что побуждает к позитивным последствиям и направлено на спасение человеческой души. *Благо* называет ценность и смысл лишь в том случае, когда обладающий им содержит в себе честное и законное основание и исключает любое повреждение или причинение зла другому человеку.

В «Материалах к древнерусскому словарю по письменным памятникам» И.И. Срезневского лексемой *благо* представлены две дефиниции «добро» и «хорошо», что способствует наполнению словарного фонда русского языка, напр.: *благоплодие, благокрасный, благолюбие, благообразие, благопослушно* и *благополучие* как «состояние долготерпеливости духа, приводящего к добрым результатам» [16, с. 102]. Лексикограф очень точно определил сакральную составляющую данной лексемы и проиллюстрировал первоначальный семантический слой языковой единицы.

Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона комментирует понимание данной лексемы в диахроническом срезе, начиная с античной школы Платона, Аристотеля и до великой проповеди Иисуса Христа как идеи о всепрощающей христианской любви и о любви к ближнему, что подтверждает представление о благе как желании человека сделать добро для ближнего. Господствующее чувство эгоизма начинает конкурировать с величественным началом альтруизма. Именно такое учение постепенно становится достоянием человечества. Поэтому основная дефиниция лексемы *благополучие* — «удовлетворение человеческой потребности или стремления через материальные или духовные блага; спокойствие духа, рождающееся от сознания

выполненных обязанностей — нравственного блага, добродетели» [17, с. 24].

Лингвистическая ситуация конца XX века иллюстрирует секуляризированное понимание языковой единицы *благополучие*, поскольку словари отображают последствия культурно-цивилизационных изменений эпохи атеизма: теперь человек имеет право выбора в состоянии благополучия, напр.: «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой дает такое толкование: «спокойное, без каких-л. нарушений течение дел, жизни, устар. счастье»; «довольство, обеспеченность», наполняя словарь более ста двадцатью шестью лексемами с корнем *благо-* [18, с. 78].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) демонстрирует несколько сегментных слоев языковой единицы *благополучие*: 1) **«материальное благополучие»**: Именно поэтому сегодня, согласно недавно проведенным исследованиям Фонда общественного мнения, своей главной целью порядка 40% молодых людей называют материальное благополучие и обогащение, и только 15% таковой считает получение образования (Олег Головин. Коллективный Маугли (2003) // «Завтра», 2003.08.13); 2) **«благополучный отдых»**: А если рядом море и солнце встаёт каждый день — это уже полное счастье и благополучие (Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003); 3) **«хрупкость нравственного благополучия»**: О, как легко человеческое благополучие распадается на груды хлама... (Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987); 4) **«физическое благополучие»**: Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990); 5) **«демонстрация семейного благополучия»**: И раз от раза повторяется одна история: на фото —

идеальная семья, демонстрируется всяческое благополучие (Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)); 6) «**национальное благополучие**»: Ближневосточным странам — бросить большую часть нефти и газа, на которых строится их национальное благополучие (Александр Аничкин. Brent просит пощады // «Огонек», 2015) и др. [19]. Мы видим, что систематизация значений слова *благополучие* в синхронном срезе показывает разнообразие и многочисленные пути к семантике языковой единицы, на ее значения влияют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, что способствует обмирщению доминантной дефиниции и распространению данной лексемы в медиапространстве.

В паремиологической системе ценностей как объемном, беспристрастном восприятии мира взаимоотношений и предпочтений духовные предпочтения выбираются таким образом, что продолжительное количество времени они не меняют своей значимости и оценки. Во многих случаях система ценностей сохраняется и остается значимой в аспекте настоящего и будущего как непреходящая константа. Пословицы и поговорки русского народа не употребляют лексику *благополучие*, а создают образ христианского Бога, обладающего рядом качеств и выступающего гарантом благополучия. Словари не просто фиксируют ту или иную паремию, но и запечатлевают языковую реальность, помогают представить языковую картину мира, являясь источником культурологической информации. Представленные в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля паремии *Ни отец для детей, как Бог до людей; Богу молиться — вперед пригодится; На Бога молишься — не обложись* [20,

с. 64–65] и др. позволяют утверждать значимость Бога в культурном сознании русских — во внешнем и внутреннем благополучии, что ставится выше других ценностей. В то же время русская пословица предупреждает, что во всем уповать на Бога и бездействовать нельзя: *Богу молись, а в делах не плошись; На Бога надейся, а сам не плошай; Богу молись, а к берегу гребись* [там же, с. 64–65]. Как видим, религиозная сфера русского человека является ментальным пространством, обладает концептуальной конвергентностью и надкультурной трансцендентностью. Языковая единица *благополучие* представлена дифференциаторами: благополучие как духовный дар; телесное здоровье; социальный статус; материальный достаток; нравственный показатель.

Аспекты интерпретации *благополучия* отображают сложную и противоречивую природу самого понятия с сакральной и профанно-десакральной семантикой. В соответствии с религиозным вектором познания, *благополучие* воспринимается как состояние христоцентричности, т. е. радости от самопожертвования и любви к Богу и людям; состояние духовного здоровья, т. е. умение создавать душевный комфорт для себя и окружающих; физического совершенства, т. е. обладать крепким телесным здоровьем; и секулярный вектор представлен социальным, профессиональным или материальным процветанием.

Языковая единица *благополучие* как постоянство передает семантику от личности на смысловое поле социума и на культуру целого народа. Позже она иллюстрирует концентрацию совместных знаний, а через некоторое время языковая личность черпает опыт этноса. Основоположник лингвокультурологической концепции В. фон Гумбольдт писал: «В языке, как в вечно повторяющейся

работе духа, не может быть ни минуты застоя, его природа — это непрерывное развитие под влиянием духовной силы каждого говорящего. Дух непрестанно стремится внести в язык что-то новое, чтобы, воплотив в него это новое, опять стать под его влияние» [1, с. 372].

В данном исследовании диахронический срез лингвистических словарей разных столетий показал, что одновременно в речевой практике и в лексикографических источниках сосуществуют как сакральная семантика языковой единицы (мифологическая, религиозная), так и профанная (обмирщвленная, десакральная), никак не сочетающаяся с религиозным сознанием языковой личности. Появление церковнославянизмов и их словообразовательных форм послужило одной из причин функционирования языковой единицы *благополучие* в русском языке, начиная с периода установления христианства на Руси, на протяжении нескольких столетий. Культурно-цивилизационные эпохи петровской европеизации, массового атеизма подтолкнули к дальнейшему употреблению языковой единицы с профанно-десакральной семантикой и ее сохранению в словарном фонде современного русского языка.

Таким образом, языковая единица *благополучие* вследствие многослойности и многоплановости является медиатором человеческого языкового общения. Она интегрирует в своей внутренней форме два контрастных полюса — динамики с «более низким ценностным регистром в современном дискурсе с целью актуализации того семантического сегмента, который необходим адресанту в коммуникации» [21, с. 54–63]) и удержания, т. е. сакрализации «метакатегории, определяющей ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствует вера и доверие к Богу и миру» [там же, с. 54–63]), между которыми и разворачивается смысловое поле *благополучия*. Лингвокультурологическая реконструкция языковой единицы *благополучие* синтезировала идею диахронического среза лингвистических словарей отдельно выбранных периодов развития русского языка, выявила полисемичность значения и сакральность изначально внутренней формы слова. Способность людей пользоваться языком должна препятствовать созданию квазикультурных смыслов в современном русском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г.В. Рамишвили; под ред. Г.В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
2. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений из речевой практики масс-медиа. СПб., Златоуст, 2015. 320 с.
3. Шкуран, О.В. Сакралізація та десакралізація концепту благополуччя у східнослов'янському мовному просторі // Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко. 2018. № 2 (20). С. 99–105.
4. Шпет, Г.Г. Мысль и Слово: Избранные труды / сост. и отв. ред.: Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 710 с.
5. Владимирова, Т.Е. Русская филология и духовный потенциал языка // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство: коммуникативные аспекты». М.: МГУ ИРЯК имени Ломоносова, 2018. С. 128–132.

6. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. / Под ред. Н.И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995. 1 т. 488 с.
7. *Аверинцев, С.С.* Феномен несогласия в истории гуманитарных и естественных наук и биографиях ученых. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2007. 587 с.
8. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. Спб. 1874. 1 т. 439 с.
9. *Святитель Тихон Задонский.* Сокровище духовное от мира собираемое. Киев: Киево-Печерская Лавра, 2017. 357 с.
10. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с.
11. *Феофан Затворник.* Собрание писем. Свято-Успен. Псково-Печерский монастырь. М.: Паломник, 2000. 348 с.
12. *Беринда, П.* Лексиконъ славенорусскій и именъ Тлькованіе / Підг. тексту і вступ. ст. В.В. Німчука. Киев, 1961. 473 с. URL: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm> (дата обращения: 29.02.17).
13. *Рыбаков, Б.А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 3–30.
14. *Старчевский, А.В.* Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, Ф.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. СПб., 1899. 952 с.
15. *Ломакина, О.В.* От языкового символа — к символике художественного текста // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 8. № 3. С. 205–207.
16. *Срезневский, И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1912. 414 с.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Лейпциг; СПб., 1890–1907. URL: <http://guscorpora.ru/> (дата обращения: 27.02.21).
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.
19. Национальный корпус русского языка. URL: <http://guscorpora.ru/> (дата обращения: 27.01.21).
20. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / Владимир Даль. Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг., под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1. А–З. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 1998. 1092 с.
21. *Шкуран, О.В.* Десакрализация библейского фразеологизма Не хлебом единым жив человек на материале интернет-, медиадискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 54–63.

REFERENCES

1. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics], ed. by G.V. Ramishvili. Moscow, Progress, 2000, 400 p. (in Russ.)
2. Kostomarov V.G. *Yazykovoj vkus epoxi. Iz nablyudenij iz rechevoj praktiki mass-media* [The Linguistic Taste of the Epoch. From Observations from the Speech Practice of Mass Media]. Saint-Petersburg, Zlatoust, 2015, 320 p. (in Russ.)
3. Shkuran O.V. Сакралізація та десакралізація концепту благополуччя у східнослов'янському мовному просторі [Sacralization and Desacralization of the Concept of Well-Being in the East Slavic Language Space]. *Vestnik LNU imeni Tarasa Shevchenko* = Bulletin of the Luhansk Taras Shevchenko National University, 2018, No. 2 (20), pp. 99–105. (in Ukrainian)

4. Shpet G.G. *Mysl i Slovo: Izbrannye trudy* [Thought and Word: Selected Works], comp. and ed.: T.G. Shchedrin. Moscow, ROSSPAN, 2005, 710 p. (in Russ.)
5. Vladimirova T.E. Russkaya filologiya i duxovnyj potencial yazyka [Russian Philology and the Spiritual Potential of the Language]. In: *Russkoe kulturnoe prostranstvo: kommunikativnye aspekty* [Russian Cultural Space: Communicative Aspects]: Materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2018, pp. 128–132. (in Russ.)
6. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vol.], ed. by N.I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 1, 488 p. (in Russ.)
7. Averincev S.S. *Fenomen nesoglasiya v istorii gumanitarnyx i estestvennyx nauk i biografiyax uchenyx* [The Phenomenon of Disagreement in the History of the Humanities and Natural Sciences and Biographies of Scientists]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2007, pp. 149–164. (in Russ.)
8. *Slovar cerkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, 1874, vol. 1, 439 p. (in Russ.)
9. Svyatitel Tixon Zadonskiy. *Sokrovishhe duxovnoe ot mira sobiraemoe* [A Spiritual Treasure Collected from the World]. Kiev, Kiev-Pecherskaya Lavra, 2017, 357 p. (in Russ.)
10. *Posloviy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya* [Proverbs of the Russian People: A Collection of V. Dahl], vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1989, 431 p. (in Russ.)
11. Feofan Zatvornik. *Sobranie pisem* [Collection of Letters]. Moscow, Palomnik, 2000, 348 p. (in Russ.)
12. Berinda P. *Лексіконъ славенорѡсскїи и именъ Тлѣкованїе*. Kiev, 1961, 473 p. Available at: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm> (accessed: 29.02.17). (in Ukrainian)
13. Rybakov B.A. Yazycheskoe mirovozzrenie russkogo srednevekovya [Pagan Worldview of the Russian Middle Ages]. *Voprosy istorii* = Questions of History, 1974, No. 3, pp. 3–30. (in Russ.)
14. Starchevskij A.V. *Slovar drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlennyj po Ostromirovu Evangeliiyu, F. Mikloshichu, F.H. Vostokovu, Y.I. Berednikovu i I.S. Kochetovu*. [Dictionary of the Ancient Slavic Language, Compiled According to the Ostromirov Gospel, F. Mikloshich, F.H. Vostokov, Y.I. Berednikov and I.S. Kochetov.]. Saint-Petersburg, 1899, 952 p. (in Russ.)
15. Lomakina O.V. Ot yazykovogo simvola — k simvolike xudozhestvennogo teksta [From a Language Symbol to the Symbolism of a Literary Text]. *Izvestia vysshix uchebnyx zavedenij, Seriya "Gumanitarnye nauki"* = News of Higher Educational Institutions. The Series "Humanities", 2017, vol. 8, No. 3, pp. 205–207. (in Russ.)
16. Sreznevskij I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]: in 3 vol. Saint-Petersburg, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk, 1912, 414 p. (in Russ.)
17. *Enciklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Lejpcig, 1890–1907; Saint-Petersburg. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed: 27.02.21). (in Russ.)
18. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language], ed. by A.P. Evgenieva. Moscow, Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999, vol. 1. A–J, 702 p. (in Russ.)
19. *Russian National Corpus* [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed: 27.01.21). (in Russ.)

20. Dal V. *Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], Repr. Reproduction of the 1903–1909 Edition, Carried Out Under the ed. by Prof. I.A. Baudouin de Courtenay, vol. 1, A–Z. Moscow, TERRA-Kn. klub, 1998, 1092 p. (in Russ.)
21. Shkuran O.V. Desakralizaciya biblejskogo frazeologizma “Ne xlebom edinyim zhiv chelovek” na materiale internet-mediadiskursa [Desacralization of the Biblical Phraseology “A Person Does Not Live by Bread Alone” on the Material of the Internet, Media Discourse]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchnyj zhurnal* = Scientific Notes of the Petrozavodsk State University, 2020, vol. 42, No. 7, pp. 54–63. (in Russ.)

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий, Луганский государственный педагогический университет, oksana.shkuran@mail.ru

Oksana V. Shkuran, PhD in Philology, Associate Professor, Russian Linguistics and Communication Technologies Department, Lugansk State Pedagogical University, oksana.shkuran@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2021. Принята к публикации 29.06.2021

The paper was submitted 05.04.2021. Accepted for publication 29.06.2021